

Andrzej Drzewiecki

Akademia Marynarki Wojennej w Gdyni

УКРАИНА И ПОЛЬША В КОНТЕКСТЕ СВОЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА. ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ СУТЬ ПРОБЛЕМЫ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В СТЕПАНЕ БАНДЕРЕ?

РЕЗЮМЕ

В течение нескольких десятилетий, внешняя политика Польши была обусловлена географического расположения и трудным для точного определения комплексом, раз немецким, раз советским, а иногда и обоими в одно и то же время. Это особенно очевидно в межвоенный период и, несомненно, оказало влияние на современные польских отношений со своими соседями. На протяжении двадцати лет они были напряженными, за исключением Румынии, пограничье с которой было относительно спокойным. Другой, не менее важной проблемой была внутренняя ситуация в стране, которая не всегда справлялась с политикой в отношении многочисленных этнических меньшинств. Автор статьи обращает внимание на некоторые аспекты польско-украинских отношений и попытался найти ответы на фундаментальный вопрос: почему польско-украинской территория в области польско-украинской границы стало местом этнического конфликта, имеющего такое огромное значение для обеих сторон. Автор считает, что нынешняя ситуация в Украине и польское участие в решении текущих проблем не является причиной, искажающей правду о преступлениях, совершенных в отношении поляков, проживающих на восточных территорий. Есть основания полагать, что спираль националистической настроений росла с обеих сторон, но их реализация, была неадекватна и носила характер организованного геноцида и этнических чисток. Украина имеет суверенное чтить своих героев, в то время как Польша также имеет суверенное право на собственную оценку этой трагической главы в истории обеих стран и собственную правду.

Ключевые слова:

Польша, Украина, история, этнические конфликты, политика, геноцид.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: О ИСТОРИИ КОТОРАЯ РАЗДЕЛЯЕТ

Не случайно, начиная от 1991 года, растет заинтересованность украинской проблематикой. Причина этого заключается в вопросе, чем уже есть и чем для нас станет в ближайшее время Украина?¹ Российский историк Р. А. Медведев считает, что после распада СССР, процесс народной самоидентификации наиболее болезнен для украинцев. Согласно его оценке, на Украине проявились и обострились антагонизмы, которые в авторитарном СССР были практически не заметны. Главным из них является раскол между украинцами, жившими от половины XVII на территории России, и теми которые после разделов Речи Посполитой оказались в границах Австро-Венгрии². Национальная проблема была в СССР наиважнейшим табу. Даже премьеры этой империи, во всяком случае, такое мнение выразил Николай Рыжков, не отдавали себе отчет в том, что партия создала ложное понятие морально-политического единства, в которое сама и поверила. С другой стороны Горбачев осознавал ошибочность такой позиции, но – как следует из его разговора с Младеновым – встретился с огромным сопротивлением партийной инерции, когда пробовал ввести элементы рефлексии над перспективами многонациональной империи. Национальные вопросы очень сложны, рефлексия требует времени, чтобы дозреть. Теперь проблемы наслоились, а время сократилось. При таком уровне осознания национальных проблем боюсь, что Россию и другие государства ждут большие и необязательно приятные неожиданности – писал в 1993 г. Юзеф Левандовский.³ Седует отметить, что в целом «восточном блоке» это морально-политическое единство было обязательным канонem, а проблема национальных меньшинств, как таковая не существовала. Распад советского блока оставил в наследство много исторических казусов, среди которых национальные вопросы оказались наиболее трудными.

К этой категории относятся также польско-украинские отношения со своей драматической и трагичной историей.

¹ M. Klimecki, *Ukraina w XX w. Na wschód od Polski i na zachód od Rosji*, [w:] (red.) J. Marszałek-Kawa, Z. Karpus, *Stosunki polsko-ukraińskie. Historia i pamięć*, Toruń 2008, s. 9.

² R. A. Miedwiediew, *Po rozpadzie ZSRR. Kłopoty z tożsamością byłych republik*, „Dziś”, 2006, nr 8, s. 127.

³ J. Lewandowski, *Kwestia narodowa w Europie Wschodniej na przełomie epok*, (Moskiewskie Sympozjum), „Zeszyty Historyczne”, 1993, z. 105, s. 69.

Политическая корректность в настоящих польско-украинских отношениях приводит к злоупотреблению словами «примирение и прощение». Население Кресов придерживается позиции, что «добрые реляции с Украиной лежат в зоне интересов Польши, а также Европы и США». При условии, что будут правдивыми, а не бумажными – искусственно декларированными, без общественной акцептации⁴. По сути говоря, это все действия направленные на закрытие исторического раздела, который в памяти населения Кресов связан с преступным геноцидом жителей украинскими националистами. Ценой такой политкорректности может быть историческая правда о событиях на Восточных Крессах, которые для кресовян являются делом чести и завещанием зверски убитых соотечественников. «Нет польско-украинской проблемы, считает Моника Шлядевская, проблема касается основательной и объективной оценки украинского фашистского движения, его военизированных структур и фальсификации истории этого движения представителями политической мысли украинского национализма. Все призывы к прощению и примирению обоих народов является манипуляцией политических авантюристов, продолжающих традиции Организации Украинских Националистов (ОУН), которые безосновательно ссылаются на народ. Игнорирование исторической правды приводит к тому, что каждый, кто пытается назвать виновников поименно, обвиняется в злой воле и разжигании ненависти к украинскому народу или провозглашении коммунистической пропаганды»⁵. Николай Литвин точно подметил, что „соседствующие народ должны думать о будущем, прошлое, оставляя историкам. Прошлое должно быть объединяющим фактором, а не источником дальнейших недоразумений”⁶. Согласен, при условии, что у обоих соседствующих народов одинаково сильно стремление к истине, в противном случае он всегда будет неполным и предвзятым. А может речь идет вовсе не о настоящем, а о показушном примирении, тесно связанным с политкорректностью и «духом времени». Политика примирения, писал Адам Кжеминьски, в 90-ых годах лежала

⁴ A. Mikluszka, *Jakie pojednanie*, „Na Rubieży”, 2009, nr 101, s. 20.

⁵ M. Śladewska, *Przebaczenie bez upoważnienia*, „Na Rubieży”, 2010, nr 107, s. 18.

⁶ M. Łytwyn, *Stosunki polsko-ukraiński w pierwszej połowie XX wieku: osiągnięcia i perspektywy historii*, [w:] *Polska – Ukraina: trudne pytania*, t. 11, (materiały XII międzynarodowego seminarium historycznego „Stosunki polsko-ukraińskie w latach II wojny światowej”, Toruń, 11–12 października 2006), Warszawa 2009, s. 15.

в основании процесса интеграции Средне-Восточной Европы в ЕС и НАТО. Каждый из кандидатов должен был не только показать, что не имеет никаких приграничных конфликтов с соседями, но и то, что полностью признает у себя права национальных и этнических меньшинств⁷. Вот огромная сила политики!

Украина в течении нескольких десятилетий была частью Советского Союза, беспокойной частью и писание о ней в условиях ПНР (Польская Народная Республика) было иным, чем представления истории Англии или Франции. Работу утрудняют не только политические условия, но и проблемы научного характера. Исторически украинская государственность выплывает на поверхность от случая к случаю, чтобы снова сгинуть в историческом тумане и даже небытии. В истории Украины очень сложно найти элемент постоянства, так важный для представления для представления истории на длительных многовековых отрезках времени. Киевская Русь была совсем непохожа на Украину эпохи козацких воен, в то же время львовские политики со времен Австро-Венгрии и Второй Речи Посполитой, образованные адвокаты и статисты ничем не припоминали атаманов и гетманов. А ведь все время речь идет о той самой земле и том самом, по крайней мере, биологически, народе⁸.

О сложности ситуации на Украине говорил президент Леонид Кучма. «Среди наших проблем – писал он в 2003 году – есть одна, решение которой является очень сложным. Пока мои соотечественники смогут спокойно сказать, что проблема эта решена, пройдут десятилетия. Это не только русско-украинская проблема. Это украинская проблема, тесно связанная с Россией. Речь идет о нашей самоидентификации и психологии. Украинские политологи и социологи считают, что процессы консолидации еще очень далеки до завершения. До сих пор мы не до конца поняли кто мы⁹. Суть этой рефлексии звучала еще конкретнее: *мы создали Украину. Теперь мы должны решить еще более сложную задачу – создать украинцев*. Можно рискнуть с утверждением, что тогдашний президент Украины не предполагал, что спустя несколько лет его слова приобретут пророческий смысл, а его преемник Виктор Ющенко предпримет попытку «сотворения» украинцев, или хотя бы части из них, по образцу

⁷ A. Krzemiński, *Trupy w szafach Europy*, „Polityka”, 2009, nr 38 (2723) z 19 września, s. 13.

⁸ J. Lewandowski, *Historia Ukrainy*, „Zeszyty Historyczne”, 1978, z. 45, s. 226.

⁹ L. Kuczma, *Ukraina – nie Rossija*, Moskwa 2003, s. 17.

далекому для современной цивилизации, а материалом в этом процессе будут «достижения» ОУН.

Думаю, что хотя многие поляки и отдают себе отчет в том, что процесс демократических изменений находится уже на весьма продвинутом этапе, то также осознают то, что на пути его стоят серьезные трудности. Их источник находится в истории украинского народа и государства, судьба которых тесно связана с историей польской государственности. Следует согласиться с мнением Михаила Климецкого, что после первой мировой войны украинцы были единственным народом, который помимо огромных усилий не создал своего суверенного государства. В результате – ту сложную ситуацию усугубил раздел ее земель между после I мировой войны между СССР, Польшей, Чехословакией и Румынией. Отношения между украинцами и народами, с которыми им пришлось жить в одной стране не складывались по разным причинам на столько благополучно, чтобы найти себе союзников и сторонников своих суверенных aspirations¹⁰.

Нет надобности в очередной раз доказывать, что война, о которой говорим разрушила старые европейские структуры и создавала новые возможности для национальных программ, подпитываемых националистической идеологией. Это явление следует считать абсолютно нормальным для народов, которые как и поляки, стремились к своей независимости. Напомним, что Федерация польско-литовско-белорусско-украинской должна была быть, как утверждал манифест любельского правительства „союзом свободных и равноправных наций“¹¹. Это в ее пределах планировалось созидать политическое сообщество на базе зарождающейся независимости. То, что не удалось выработать разумный компромисс, было плохим сигналом на будущее. Среди политических элит, как отметил Богдан Худа, не было никакого согласия в отношении критериев государственных территорий и размещения границ новых государств. Некоторые из них руководствовались историческим критерием (поляки), другие языково-этническим (например, украинцы)¹². В этих условиях, зимой и весной 1918 года польско-украинский социально-этнический конфликт на Украине Приднестровья прибирал все более

¹⁰ M. Klimecki, dz. cyt., s. 11.

¹¹ K. Grzybowski, *Pięćdziesiąt lat 1918–1968*, Kraków 1977, s. 79.

¹² B. Hud, *Ukraińcy i Polacy na Naddnieprzu, Wołyniu i w Galicji Wschodniej w XIX i pierwszej połowie XX wieku*, Lwów-Warszawa 2013, s. 210.

черты национально-политические¹³. В этих стремлениях нельзя отказать и украинцам. А значит вся проблема заключается не в вопросе имели ли украинцы право на независимое государство, а в том каким способом реализовали в жизнь свои политические планы. Почему украинский национализм приобрел нечеловеческие черты, почему украинский путь к независимости отмечен вырафинированным варварством, убийствами и геноцидом? Поставленные здесь вопросы приобрели особенное значение в контексте превозношения на украинский народный пьедестал лиц, которые стояли у истоков этой трагедии.

Характерной особенностью историографии занимающейся украинскими вопросами является мощный акцент на том, что Украина имеет комплекс походящий из отсутствия традиции суверенного государства. Как заметил Эндрю Вильсон, сама идея «украинизма» появилась тогда, когда политические условия склонили ее к идентификации с каждым государством и каждым народом, которые были ей полезны с политической, экономической и культурной точки зрения. Мало того, украинскому сообществу редко удавалось найти позицию равноудаленную от Польши и России, гораздо чаще украинцам приходилось сотрудничать с одним или другим государством, вследствие чего имели общие пути развития со своими временными союзниками и партнерами. В таких условиях поддержание чувства суверенитета – не говоря уже о его укреплении – было очень трудной, практически невыполнимой задачей¹⁴. В этом контексте следует также обратить внимание на тонкую материю, которой являются национальные чувства украинцев, которыми можно управлять, также как и манипулировать. К этой проблеме нам придется еще вернуться.

Поскольку рождение украинской государственности является столь трудным вопросом, следует найти такое событие, которое лежит в ее основе. Тут сталкиваемся с серьезной проблемой, которую заключается в термине предложенным Р. А. Медведьевым – „трудное рождение государственности”¹⁵. В литературе посвященной данному вопросу существует мнение, что от 1991 года, практически в приказном порядке по распоряжению наивысших правительственных органов на Украине начался поиск основ этой самой суверенности. Однако оставим

¹³ Tamże, s. 247.

¹⁴ A. Wilson, *Ukraińcy*, Warszawa 2004, s. 40.

¹⁵ Por. R. A. Miedwiediew, *Trudny poród państwowości*, „Dziś”, 2007, nr 3, s. 35–51.

эту проблему украинцам, поскольку нас интересуют, только польско-украинские отношения, особенно тот их аспект который по обе стороны границы некоторыми воспринимается как открытая и далее кровавая рана прошлого. Нельзя нам, историкам, – говорит Мачей Франц, допустить чтобы дискуссия о польско-украинской истории ограничилась только к XX веку. Несопоримы является то, что эти события насыщены эмоциями для многих с одной и с другой стороны, и являются не столько историей, сколько собственными переживаниями¹⁶. Говоря, по обеим сторонам границы, автор не ставит здесь знак равенства, и не следует за теми, кто участвует в аукционе взаимных обвинений. На сегодняшний день вместо того чтобы в исторических исследованиях искать причины геноцида украинских националистов на жителях Волыни и Восточной Малопольши, многие опускаются до расчетов потерь, каждой из сторон «конфликта». Слово «конфликт» кажется не вполне адекватным в той обстановке, которая имело место на Восточных Кресах. Это была этническая война, которая по украинской стороне вызволила наиболее низменные инстинкты, а поляков заставила обороняться, причем в этой обороне ответная реакция не всегда была адекватной. Против названия этого преступления конфликтом часто протестуют кресовые сообщества. Согласно им «фальсификация правды, о преступной деятельности структур украинского национализма началось на Западе еще в начале 50-ых годов. Радиостанция «Свободная Европа» и парижская «Культура» сформировали точку зрения на польско-украинские отношения, которая обязует в настоящее время и дает свои горькие плоды обмана. Как признался Гедройч, он поддерживал контакты с влиятельной украинской националистической диаспорой, принимал их позицию и поддерживал их пропаганду: „Резня была взаимной”, „вина по обеим сторонах”, „следует забыть о преступлениях УПА и признать свое участие в конфликтах”. И так на парижских салонах односторонняя резня была названа конфликтом¹⁷.

В течении десятков и даже сотен лет обе нации, участвуя в различных конфликтах, сосуществовали, тогда как в XX веке должны были появиться причины, которые привели к тому что деликатная

¹⁶ M. Franz, *O dziejach, które krwią i namiętnością były pisane*, [w:] (red.) M. Franz, K. Pietkiewicz, *Od Zborowa do NATO (1649–2009). Studia z dziejów stosunków polsko-ukraińskich od XVII do XXI wieku*, cz. I, *Historia*, Toruń 2009, s. 9.

¹⁷ M. Ślądowska, *Polityka historyczna wobec pamięci o ofiarach ukraińskiego nacjonalizmu*, „Na Rubieży”, 2009, nr 101, s. 17.

материя общих историй и событий не выдержала пробы времени. Даниэль Бовуа писал: „польские роды на Украине существовали с давних времен, но по принципу мимикрии все стремились к связям с найстаршими русинскими родами, которые добровольно сполонизировались в XVI веке. Вместе с тем социальное неравенство санкционировал „дух истории”. Давность заселения давало богатству силу власти, поэтому не к месту было понятие «колонизации». Польское присутствие на Украине оправдывала давняя традиция исполнения миссии „опоры хрестьянства”, сопротивления схизматикам и язычникам. Поэтому мощь самооправдания была незыблима”¹⁸. И хотя постепенно забывались все ужасы связанные с эпохой панщины, как утверждает автор, однако потомство холопов далее зависело от польских или российских хозяев. А проблема была действительно серьезной, поскольку в 1897 году 90% населения проживало в селах. 6 000 000 людей (из 9 560 000) было потомками холопов из частных владений проживающими на 4 010 000 десятинах, тогда как 7 000 крупных помещиков (польских и российских) владело 6 500 000 десятинами. Эти цифры определенно свидетельствуют о размерах „замельного голода”¹⁹. Может быть в этом и заключается источник первородного греха, который подтолкнул многих украинцев в объятия национализма, целью которого была независимая Украина. Не следует демонизировать этих исторических событий, но нельзя также их недооценивать, зная из польской истории, чем является отсутствие государства. И чем оно становится в момент, появления реальной возможности его существования. В како то мере ситуация Украины напоминала раненую и брошенную любовь, требующую мести, а не понимания и прощения. Не имеющая политического опыта украинская нация не осознала, что где – то за пределами его осознания происходила игра, ставкой в которой было существование *Самотстийней Украины*. Она чувствовала, что ее лишили этой свободы, и ждала, когда будут указаны виновные, что через некоторое время и сделали украинские националисты. То указание на „велькопаньскую” Польшу, было таким выразительным, что произвело к движению целой лавины ненависти, жертвой которой оказались

¹⁸ D. Beauvais, *Trójkał Ukrainiński. Szlachta, carat i lud na Wołyniu, Podolu i Kijowszczyźnie 1793–1914*, Lublin 2005, s. 689.

¹⁹ Тамże, s. 728; B. Hud, dz. cyt., s. 138–139.

поляки – ближайшие соседи, смешанные семьи, и даже дети общих дворов.

Так сложилась судьба обоих народов, польского и украинского, что в годы I мировой войны и сразу же после ее окончания, они шли к своей, или за своей независимостью. При этом спорным оставался спорный вопрос восточных земель Речи Посполитой, и западных Украины, на которые оба народа предъявляли свои исторические права. Фактором, который на некоторое время притормозил взаимные претензии, была большевистская Россия, являющаяся общим врагом в тот момент. Поэтому появились некоторые элементы сотрудничества и польско-украинского содействия а также появились реальные возможности «построения» украинской государственности. Находилась она в федеративных планах политического лагеря связанного с Юзефом Пилсудским. Он не был однозначным в украинских вопросах, однако часть его лидеров, такие как Леон Василевский, Адам Скварчиньский и Тадеуш Холувко видели необходимость включения Укарины в эти планы. Первый из них с нотой сожаления писал: К сожалению, большинство из нас смотрит на Украину и укаринский вопрос через затуманенные очки политических предубеждений, котрорые опираются на абсолютное незнание реальных отношений. Неудачная смесь журналистских инфораций, приспособливаемых, для минутной необходимости в интересе партийной политики была источником информации рядового польского интилигента. Нехватает нам постоянной, объективной информации о развитии украинского вопроса, о его сути и тенденциях развития²⁰. Весной 1918 г. Тадеуш Холувко на страницах „Работника” писал: „Наша цель – стремиться к возникновению укаринского государства включающего часть восточной Галиции – за исключением Львова, чтобы небыло недоразумений – с наибольшей частью Украины российской”²¹.

В подобной, и даже более конкретной форме было это провозглашено в манифесте Главного Польского Вождя: „Ко всем жителям Укарины”, от 26 апреля 1920 г., в которой написано, что: „польские войска выгонят с украинских земель иноземных захватчиков,

²⁰ L. Wasilewski, *Ukraina i sprawa ukraińska*, [w:] (red.) P. Kowal, J. Ołdakowski, M. Zuchniak, *Nie jesteśmy ukrainofilami. Polska myśl polityczna wobec Ukraińców i Ukrainy. Antologia tekstów*, Wrocław 2008, s. 73.

²¹ Цит. за: L. Wyszczelski, *Miejsce Ukrainy w federacyjnych planach obozu pilsudczykowskiego (1916–1921)*, [w:] (red.) M. Franz, K. Pietkiewicz, *Od Zborowa...*, dz. cyt., s. 493.

против которым восстал украинский народ с оружием в руках, защищая свои дома перед насилием, разбоем и грабежом. Польские войска – читаем далее в манифесте – останутся на Украине в течении времени необходимого, для того чтобы власть на этих землях приняло законное украинское правительство. С того момента, когда, народное правительство Украинской республики создаст органы власти и когда на границах станут вооруженные силы украинского люда, способные охранить этот край перед новой агрессией, а свободный народ сам будет распоряжаться своею судьбой – польский солдат вернуться до Речи Посполитой Польши, выполнив почетную миссию борьбы за свободу народов”²².

В подобном тоне была написана польско-украинская конвенция, говорящая о том, что: „польское правительство – признавая право Украины на независимую государственность – признал Директориат независимой Украинской Народной Республики, под предводительством главного атамана Семена Петлюры, как верховную власть Украинской Народной Республики”. Установлено, что польско-украинская граница будет проходить вдоль Збруча, далее на границе Вышегородка на границе малопольско-волынкой на север к Припяти до ее устья, оставляя на польской стороне Кременец, Здолбунов, Дубно, Ровно и Сарны. Петлюра от имени своей страны отказывается от всех претензий в отношении Малопольши, а также польской части Волыни и Полесья, а Польша отказывается в пользу Украины земель на восток от установленной границы, ринадлежащих ей до 1772 года. Меньшинствам – польскому на Украине, укаринскому в Польше признано одинаковые национально-культурные права²³.

Анджей Новак обращается непосредственно к, до сей поры неизвестной, записи идеи Пилсудского марша на Украину, сделанной после стратегических советов с Главным Вождем 28 апреля и 5 мая генералом Антоном Листовским. Некоторые размышления Пилсудского: „Идя в глубь Украины, но только до границы 1772 roku, не узнаем разделов и провозглашаем *самостийнисть* на этих землях, как бы исправляя ошибки наших предков. Мы хотим дать (Украине) возможность самоосознания и самоуправления собственным народом [...] Я поставил на карту, играю на последнюю ставку чтобы сделать

²² Цyt. za: A. Garlicki, *U źródeł obozu belwederskiego*, Warszawa 1983, s. 339.

²³ W. Pobóg-Malinowski, *Najnowsza historia polityczna Polski 1864–1945*, T. 2, cz. 1, Londyn 1956, s. 253.

что – то для будущего Польши, хотябы таким способом уменьшить возможности будущей мощи российской, и если удастся, помочь в создании Украины, которая будет кордоном между нами и Россией на долгие годы не будет нам угрожать [...] Но суть в том, восстанет ли та Украина, есть ли у нее достаточное количество сил и людей, чтобы себя создать и организовать, ведь не можем же мы сидеть здесь целую вечность [...] Границ 72 года, воссоздать не могу, так как каогда – то хотел, Польша не хочет этих кресов, Польша не хочет жертв, все партии определенно выразили свое мнение на этот счет, не хотим за это платить, и ничего дать [...] а без усилий, жертв ничего нельзя создать! Поэтому нет иного выхода, как создать Самостийну Украину. Петлюра здесь не играет никакой роли, он является инструментом ин ничем более. А если ничего нельзя будет сделать, оставим этот хаос воле судьбы. Пускай разваливается, разъедается, истощается [...] В таком состоянии не будет нам угрожать много лет! А потом будущее покажет!²⁴ Это будущее не замедлило себя показать. Вторжение на Украину польских войск было принято населением, также как очередное, после немецких и деникинских оккупационных войск. Украинскому холопу, который получил от советской власти землю и ktorому эту землю забрали польские помещики, не пришлось долго думать, на чью сторону стоит стать. Польское войско было принято с неприязнью и даже враждебно²⁵.

Из приведенных здесь высказываний и политических деклараций следует, что вопрос независимости Украину с все большей активностью рассматривался на политических салонах. Пилсудский, это следует подчеркнуть, не был достаточно категоричен в реализации федеративной концепции. С одной стороны он признавал большое значение Украины в этом программе, с другой обращал внимание тех, кто возвращался к концепции историчкого прометеизма. И даже он сам видел, или хотел видеть в Польшу, фактор способный к длительному ослаблению влияний России. Свои убеждения в этом контексте были высказаны в присутствии графа Михаила Коссаковского, главного посредника с польской стороны в переговорах с большевиками в Беловежи в июле 1919 года. Он сказал тогда: „мы имеем неслыханный момент, такую исключительную возможность великих достижений на

²⁴ Cyt. za: A. Nowak, *Polityka wschodnia Józefa Piłsudskiego (1918–1921). Koncepcja i realizacja*, „Zeszyty Historyczne”, 1994, z. 107, s. 15–16.

²⁵ A. Garlicki, dz. cyt., s. 340.

востоке, занять место России, только с иными лозунгами и колеблемся. Боимся смелых поступков вопреки Коалиции, тогда как этим образом можем справиться даже с таким врагом, как Советская Россия”²⁶.

Элиминация России и то вне зависимости от ее цвета, из европейской политики и завладение этого места Польшей, было основным мотивом решения Пилсудского²⁷. Подобно сильной аргументацией пользовался один из адептов украинского национализма Дмитрий Донцов. Согласно его оценке, Польша правда и „угнетала Украину”, но Россия была определенно ее егзистенциальной антитезой. Он считал конфликт между Европой и Россией конфронтацией двух цивилизаций, двух разных социальных, политических и культурных систем. Поэтому историческая миссия Украины – утверждал Донцов – защита Европы перед Россией, и в этой борьбе Украина может сама себя спасти. Поэтому должна она принять более радикальную антироссийскую позицию, чем остальная Европа. Это условие Донцов объяснял „фронтным” положением Украины по отношению к России, а также необходимостью преодоления следствий вековых российских влияний²⁸.

Если обратим внимание на федерализм Пилсудского и попробуем его противопоставить украинскому национализму, следует отметить, что в оппозиции к ним будут находиться постулаты Народной Демократии, громко провозглашаемые ее лидером Романом Дмовским. Согласно оценке Романа Вапиньского, лидер ендееции (прим перев. сокращение от народных демократов) „разногласия и конфликты между народами считал естественными”. Ссылался также на историю давней Речи Посполитой, но также брал во внимание почти исключительно силу польской культуры в восточных ее областях. Выразил он это, в предложенном 8 октября 1918 года в предложенном президенту Томасу Вудро Вильсону, *Мемориале о территории польского государства*. „Поляки – констатировал его автор – в настоящий момент слабы, чтобы управлять целым пространством восточных земель. В связи с тем, что там нет никакого культурного элемента, который бы был достаточно сильным, проблема политического будущего восточных провинций Польши становится практически не решаемой. [...] Нет

²⁶ Cyt. za: G. Łukomski, B. Polak, M. Wrzosek, *Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920*, Koszalin 1990, t. 1, s. 105.

²⁷ Szerzej na ten temat zob. L. Wyszczelski, *Miejsce Ukrainy...*, dz. cyt., s. 489–505.

²⁸ A. Wilson, dz. cyt., s. 133.

никакого разумного решения этой проблемы, и обязательно нужно выбрать такое, которое будет содержать меньше негативов, чем какое либо другое. Решением может быть раздел восточных польских провинций на западную часть, где польские влияния сильнее, и которая должна принадлежать польскому государству, и восточную часть, которая должна остаться в российской собственности”²⁹.

Приведенном здесь политическом плане, как видим, небыло вообще места для независимой Украины. В то время, как был определенный знак усиления польского влияния. Этой цели также служила идея польских военных поселений, которая по мнению Станислава Чесельского, имела исключительный колонизационный (полонизационный) характер и однозначно негативно была воспринята белорусским и украинским народом. Тоже можно сказать о некоторых чиновниках государственного аппарата, которые в незнакомой для себя среде, своей деятельностью спровоцировали обострение межнациональных отношений³⁰. Очень точно эту проблему подметил Веслав Владыка, который написал: „земли после разделов несли за собой ряд проблем, с которыми столкнулась II Речь Посполита, а именно ее национальный состав. Одной третьей граждан Польши были меньшинства, с растущими политическими амбициями, такие как украинцы или даже белорусы. С течением времени все более политически активным, вспомогательное Третьим Рейхом становилось немецкое меньшинство, свою автономию сохранило по большей мере меньшинство еврейское. Это были те наибольшие меньшинства в отношении которых пробовали разработать государственную политику, чаще неудачную, хотя даже спустя много лет сложно придумать разумное решение той ситуации. Не решенные вопросы все более тяготели на польском государстве с течением времени. С приближением начала второй мировой войны, все более сильными становились «национализмы», которыми заболела вся Европа, и прежде всего гитлеровская Германия. Эволюции в этом направлении не избежала в конце 30-ых годов также санация. Национализмы, подчеркивает Владыка, цветут прежде всего там, где был кризис

²⁹ R. Wapiński, *Polityka i politycy. O polskiej scenie politycznej XX wieku*, Wrocław – Warszawa – Kraków 2006, s. 65–66.

³⁰ S. Ciesielski, *Kresy Wschodnie II Rzeczypospolitej i problemy identyfikacji narodowej*, [w:] (red.) S. Ciesielski, *Przemiany narodowościowe na Kresach Wschodnich II Rzeczypospolitej 1931–1948*, Toruń 2003, s. 25; szerzej na temat osadnictwa wojskowego zob. W. Filar, *Kwestia ukraińska...*, dz. cyt., s. 129–151.

и экономическая стагнация, где люди искали виновных и чужих. Так было в случае Польши, в которой много было чужих, и некоторые из них в Поляках видели виновных в собственных несчастьях. Иногда это приводило к трагическим последствиям»³¹.

Этой части нашей истории нельзя скрывать под плащом «исторической политики» и дописывать под нее свою историю. Исследования, на что обращает внимание Петр Тадеуш Квятковски, показывают как трудно говорить Полякам, о темных страницах истории. Если от публичной дискуссии, утверждает цитируемый здесь автор, перейдем к коллективной памяти, т.е. к тому, что о прошлом думают обычные люди, то увидим что едва ли каждый третий поляк, с относительно высоким уровнем образования, интересующийся историей, сможет вспомнить какого-либо негативного героя или постыдное событие нашей истории³². Показаное здесь незнание истории или «затушовывание» нашего прошлого, является хорошей почвой для манипуляций историческим сознанием, для своеобразной „мифологии”. В отношении этого вопроса писал Ежи В. Борейша: политики с Вислы и Варты соревнуются в dniu сегодняшним в применении прилагательных „народный”, „патриотический”, „польски”, „мученический”, „повстанческий”. Если история, то борьбы, мученичества, боевых действий. Давней традицией в Польше является опережение действия политической мысли. Как заметил Циприан Камил Норвид: у нас „энергия опережает интеллигенцию – и что ни поколение, то резня» Для усиления аргументации, чтобы „чтобы не уплощать, укорачивать, упрощать народную память, окрашивая ее страницы только в черный или белый цвета, Борейша приводит слова Адама Скалковского, который утверждал: вместо скучных толкований пытались заглянуть в прошлое, чтобы прогнозировать будущее. В целом, последующие поколения утратили возможность понимания реальных условий государственного быта. И предупреждал, что не следует поддаваться «патриотическому и простодушному желанию освобождения народа от страшных обвинений в мещанстве, глупости и безвластии, которые привели к бессилию Речи Посполитой, отдавая ее

³¹ W. Władyka, *Cuda nad Wisłą*, „Polityka”, 2008, nr 45 (2679), z 8 listopada, s. 22.

³² *Dorabianie przeszłości*, (Joanna Cieśla rozmawia z Piotrem Tadeuszem Kwiatkowskim, socjologiem, o zbiorowej pamięci Polaków), „Polityka”, 2008, nr 36 (2670), z 6 września, s. 92–93.

на милость врагов”³³. Не приводит ли поверхностная оценка или пренебрежение историческим опытом на сегодняшний день к подобной ситуации? Враг, о котором идет речь, заключается в историческом невежестве, которое дает возможность манипуляции коллективным народным сознанием.

Вернемся однако к польско-украинскому вопросу, было ли место на Восточных Окраинах для двух государств, которые придерживались антироссийского направления в своем развитии? Не можем умалчивать тот факт, что большевистская Россия (впрочем и как и каждая другая), не оставалась равнодушна, к тому что происходило на ее восточных границах. Александр Ладощ не оставляет сомнений: „в вопросе Ураины позиция большевиков была однозначной”. Вопрос Украины был для России вопросом быть или не быть. И пишет далее: ничто иное как поход на киев привел к разгару дальнейшей войны³⁴. Эти все переговоры и решения происходили во время, манипуляций с правом народов к самостановлению, что стало наживкой для всяческого рода национализмов. И это хотелось бы особенно подчеркнуть, чтобы не создалось впечатление, что украинский национализм имел иное происхождение чем европейский в то время. Ничто так не будоражило воображение и эмоции как перспектива создания – основания собственного независимого государства. Проблема Украины заключается в том, что ее независимость которая казалась на расстоянии вытянутой руки, утонула в половодье политических операций, вдохновляемая польскими, росийскими и втренними украинскими силами. Польская миссия на Украине имела своих противников среди государств Антанты, особенно Франции, которая с одной стороны готова была поддерживать ликвидацию советской власти на Украине, а с другой симпатизировала позиции «белых» россиян и противилась созданию украинского государства. Было постановлено укринскую проблему решить «трактатом меньшинств», которые вместо того чтобы урегулировать ситуацию, вооружил украинские силы, а также другие национальные меньшинства, в дополнительное нациналистическое антипольское оружие.

Мнение украинских националистов, заключающееся в том что поляки были колонизаторами их земель упало на плодотворную почву.

³³ J. W. Borejsza, *Od Pierwszej do Trzeciej*, „Polityka”, 2009, nr 46 (2731), z 14 listopada, s. 62–64.

³⁴ M. Pruszyński, *Jak straciliśmy Mińsk i federację z białą Rusią*, „Zeszyty Historyczne”, 1976, z. 36, s. 53.

Украинцы непрерывно твердили о дискриминации своего народа в Галиции, подкрепляя эти идеи конкретными цифрами. Обратимся к некоторым из них: в 1914 году в Вене работало в главных департаментах 304 поляка и 24 украинца, в 1911 году среди 408 профессоров вузов Галиции было 10 украинцев, вместе с 96 польскими было 6 украинских гимназий. Наместник, маршалек Сейма Крайового и одновременно президент Школьной Рады Крайовой всегда был поляком. По отношению к украинской интеллигенции, преимущественно в отношении учителей, со стороны польских властей всегда была «острая» дискриминация в области трудоустройства – или в нем отказывали или давали работу на этнически польских землях. Военную службу отбывали представители всех национальных меньшинств Восточных Окраин в Западной Польше, даже языковой барьер служил инструментом для разрушения украинского единства³⁵. Одним из проявлений дискриминации русины/украинцы считали тоже малочисленность украинских послов в представительских органах³⁶. Этот последний вопрос иначе воспринимается по обе стороны границы. Нет никаких сомнений в том, что Украинская Парламентская Репрезентация старалась поддерживать «актуальность» украинской проблемы на международном форуме, а также укреплять и расширять влияния Украинского Народно-Демократического Объединения (УНДО) среди избирателей. Они пробовали реализовать украинские национальные стремления в условиях правовой и политической системы II Речи Посполитой. В те времена однако было невозможным достижение главной цели, которым было организация национально-территориальной автономии³⁷.

Это только некоторые примеры, т.к. список обвинений был более длинным и вписывался во все более часто повторяемые лозунги: «Ляхив за Сан» и «Украина для украинцев». Польско-украинский конфликт нельзя сузить только к вопросу государственной независимости Восточных Кресов. По мере его нарастания, на поверхность всплывали всяческие исторические, этнические, культурные, языковые религиозные политические, идеологические проблемы. Убийства представителей польской политической элиты (Анджея Потоцкого,

³⁵ J. Krasuski, *Tragiczna niepodległość Polski 1918–1947*, Toruń 2007, s. 134–141.

³⁶ A. Chwalba, *Historia Polski 1795–1918*, Kraków 2000, s. 525.

³⁷ Szerzej na ten temat zob. M. Szumiło, *Ukraińska Reprezentacja Parlamentarna w Sejmie i Senacie RP (1928–1939)*, „Dzieje Najnowsze”, Rocznik XXXVI, 2004, nr 4, s. 199–204.

Тадеуша Холувки, Тадеуша Перацкого) привели к тому, что взаимоотношения были подпорчены актами политического терроризма. Был это наименее удачный способ, с помощью которого Украинцы могли бороться за свои права и заявить о своих политических стремлениях. Речь Посполита не могла остаться равнодушной в отношении этих событий, тем более, что наносили они удар в основание ее политической системы. Мы концентрируем наше внимание на украинских вопросах, не забывая о том, в пределах границ II Речи Посполитой оказались другие, также многочисленные национальные меньшинства, которые при каждой okazji, подчеркивали, что произошло это помимо их воли. Немцы упоминали о „диктате версальского трактата”, белорусы – арбитражные решения рижского трактата, литовцы – дипломатические конфликты увенчанные „бунтом Желиговского”. Следует отчетливо подчеркнуть, что абсолютное большинство представителей этих национальностей с враждебностью относилась к польской государственности и предпринимала всяческие усилия, чтобы опровергнуть или поддаться сомнению права Польши в отношении занимаемых ими земель³⁸.

Примером таких манифестаций был бойкот празднования Дня Независимости, который для немцев был днем траура, а Украинцы организовывали празднование основания Западно-Украинской Народной Республики. Вспоминая эти события следует также сказать о их причинах. Было бы ошибочным утверждать, что все они происходили на почве украинского национализма. Скорее было наоборот, украинский национализм вырос идеологически и политически подпитываемый социальным неудовлетворением украинцев. Так позволяет нам утверждать конституция 1921 года, которая всем гражданам государства, не зависимо от национальности, религии, происхождения гарантировала равные права в сохранении национальности, поддержании национального языка и традиций. Практика отличная от конституции постепенно отдаляла идею интеграции украинцев в пределах польского государства. Было ли оно вообще возможно в тех политических и социальных условиях, когда политические партии придерживались различных взглядов в поросе национальных меньшинств? По мнению Тадеуша Холувки следовало тотчас же ввести в Восточной Галиции органы самоуправления, так как было обещано 1922 году. Это проблема, как он утверждал, „постыдна для

³⁸ Cz. Brzoza, A. L. Sowa, *Historia Polski 1918–1945*, Kraków 2006, s. 162.

Польши, и из Конституции, которая должна свидетельствовать о демократических устоях государственности делает посмешище»³⁹.

Однако голос рассудка сгинул в нарастающем убеждении, что будущая Польша должна быть «народной и католической». Таким образом проблема национальных меньшинств отошла на второй план в ожидании «лучших времен», которых II Речи Посполитой не хватило. Однако украинская проблема существовала далее и приобрела, свои наихудшие качества в крайне националистическом варианте. Усугубила ее размеры II мировая война, во время которой политическая целесообразность была продиктована армиями, массовыми преступлениями и геноцидом. В таких условиях, вооруженные подразделения под знаком УПА, решили начать деполонизацию Восточных Окраин, чтобы на „группе Польши” построить Самостийну Украину.

О том что именно такими были замыслы главных деятелей ОУН, свидетельствует „декалог” (10 заповедей украинца-националиста), на котором были воспитаны лидеры этого движения а также многочисленный отряд приспешников этого уникального завета. Идеологическую почву под „Декалог” приготовил Микола Михновский, для которого источником 10 заповедей стали собственные размышления. Это был определенный сигнал радикализации ОУН⁴⁰. Спор о том, кто был «отцом» украинского национализма является внутренней украинской проблемой и не имеет значения для поляков⁴¹. Пожалуй не будем их все приводить здесь, вспомним только третью заповедь, содержащую ведущую мысль целого движения: „Украина для Украинцев! Выгони отовсюду с Украины – угнетателей!”⁴². Если этими угнетателями были признаны Москали, Ляхи, Венгры, Румыны и Евреи, то становится понятным, какая судьбы была им уготована в «очищении» Украины от посторонних. В данном переводе чаще всего мы имеем дело с его измененной версией, или, как считают некоторые,

³⁹ T. Hołowko, *Metody i drogi sanacji stosunków we wschodniej Galicji*, [w:] *Nie jesteście ukrajinofilami...*, dz. cyt., s. 105.

⁴⁰ G. Motyka, *Od rzezi wołyńskiej do akcji „Wisła”. Konflikt polsko-ukraiński, 1943–1947*, Kraków 2011, s. 26.

⁴¹ W. Poliszczuk, *Integralny nacjonalizm ukraiński jako odmiana faszyzmu*, Toronto 1998, s. 26–29.

⁴² *Ideologia nazizmu (ukraińskiego integralnego nacjonalizmu), jako przyczyna zbrodni ludobójstwa OUN – UPA na Kresach Wschodnich II RP*, „Na Rubieży”, 2010, nr 109, s. 23.

искаженной. Три заповеди (7, 8 и 10) были изменены, как заметил Кшиштоф Лада, для того чтобы утаить империльную суть украинского национализма, и прежде всего факт, что ООН стремилась к покорению других народов. „Отполированы” были также другие заповеди, которые решительно пропагандировали, ненависть и хитрость, в качестве инструментов «умножения силы, богатства и территории украинского государства», путем эксплуатации других народов⁴³.

„От того времени, когда Польша силой заняла Восточную Галицию, писал в мае 1926 года Осип Думин, и галицко-украинская армия была раформирована, для каждого украинца, который был противен польской оккупации, и не хотел отказываться от своего наивысшего идеала – суверенного украинского государства, было понятно, что дальнейшая борьба с польским ярмом должна быть тайной. Отсюда появилась идея создания мощной, морально стойкой военной организации, которая бы смогла при всей своей энергии и самопожертвовании, выполнить освободительную миссию”⁴⁴. Эту „стойкую мораль” черпали конечно из националистических тезисов, еще до того как они материализовались в ранее вспоминаемым „декалоге”.

Рассматривая польско-украинские отношения, особенно с польской перспективы, появляется искушение обратиться в истории к тем аргументам, которые стоят по стороне обвиняющей украинскую сторону во всех ужасах. Можно догадываться, что аналогично думает противная сторона, видящая в „найяснейшей” Речи Посполитой могильщика всех суверенных стремлений. Поэтому важным является замечание Ришарда Тожецкого, для того чтобы объективно взглянуть, на то что происходило на Восточных Окраинах, особенно во время II мировой войны. Необходимо тщательно оценить аргументы политики украинцев, и реально оценивать польскую политику в отношении к этому населению⁴⁵. Достаточно часто мы подчеркиваем что, было оно более многочисленно, но политически, социально и экономически слабее польского. Отсюда, как следствие легче поддавалась на

⁴³ Szerzej na ten temat zob. K. Łada, *Treść i znaczenie „Dekalogu” nacjonalistycznego OUN*, [w:] (red.) B. Grott, *Materiały i studia z dziejów stosunków polsko-ukraińskich*, Kraków 2008, s. 65–80; R. Torzecki, *Kwestia ukraińska w Polsce w latach 1923–1929*, Kraków 1989, s. 259.

⁴⁴ Tamże.

⁴⁵ R. Torzecki, *O nacjonalistach ukraińskich – kontrowersyjnie*, „Dzieje Najnowsze”, Rocznik XIX, 1987, nr 2, s. 162.

самоохранительные националистические лозунги, с помощью которых было идентифицировано зло прошлое и настоящее.

В конфликте политических мнений поляков и украинцев, первые имели больше оснований к борьбе за независимость. Одним из наиболее важных, была традиция польской государственности, на которую ссылались бы различные группировки и сообщества, принимающие участие в дискуссии о Польше. Восточные Кресы – это едва – ли ее фрагмент, но очень важный с точки зрения последствий. Когда Польша получила независимость, принадлежность к ней Полесья и Волыни не вызывали сомнений. Иначе выглядел статус Восточной Галиции, которая с украинской точки зрения, находилась под польской оккупацией⁴⁶. Вопрос ее территориальной принадлежности усложняла позиция Совета Послов, согласно решению которого Польша получила мандат на эту территорию на период 25 лет с обязательством сохранения автономии. Главным противником польской экспансии на восток был Ллойд Джорж, который по мнению Юлиуса Камбона „был как скала” и его заслугой было то, что Польша получила мандат на „организацию и управление” областью, на которую претендовали также украинцы⁴⁷. Польская дипломатия уже через 3 месяца поспособствовала отсрочке этого решения, а 15 февраля 1923 года Речь Посполита получила суверенные права на эту провинцию. Польско-украинский спор о Восточную Галицию был разрешен мирным путем. И хотя правительство ЗУНР пребывающее в эмиграции проводило энергичную дипломатическую акцию, ссылаясь на право самостановлению народов, не был он в состоянии помочь избежать негативных для украинцев последствий войны. По украинской стороне не было реальной силы способной отобрать полякам Галицию. Польско-украинская война, в оценке Тадеуша Анджея Ольшанского, была первой войной возрожденной Польши – и как каждая предыдущая польская война – завершилась без подписания какого-либо двустороннего акта, оканчивающего военные действия. Польша заняла спорную территорию, удаляя из нее противника, уничтожая его государство и устанавливая собственную администрацию. Должно было это привести к трагическим последствиям в будущем – поляки начали считать эту войну гражданской, а украинское государство

⁴⁶ A. Chojnowski, J. J. Bruski, *Ukraina*, Warszawa 2006, s. 77.

⁴⁷ S. Sierpowski, *Między wojnami 1919–1939*, cz. 1: lata 1919–1929, [w:] *Dzieje powszechne XX wieku*, Poznań 1998, s. 127.

– нелегитимным. С другой стороны украинцы утверждали, что была это война между двумя государствами и украинское государство не перестало существовать, в значительной мере они чувствовали связанные с ним, а не Речью Посполитой⁴⁸.

Конфронтация, о которой идет речь привела к тому, что в будущем обе стороны не были склонны к политике компромиса. Украинцы считали себя слишком слабыми, чтобы себе это позволить, а поляки, слишком сильными, чтобы строить адекватные политические и общественные отношения на Восточных Кресах. Эта слабость породила, по стороне украинской агрессию, которая искала своего обоснования в исторической несправедливости. С другой стороны до сих пор существует проблема с объективной оценкой польскости на Восточных Кресах. Помимо того, что прошедших лет, в ней первую роль играет эмоциональный фактор, а внем все первопричины обосновывающие полонизацию Восточных Кресов. Неохотно мы обращаемся к публикациям Даниеля Бовуа, нарушающим сей благостный образ⁴⁹.

Может быть справедливо утверждение Владислава Филяра, о том что давние Кресы Речи Посполитой с XIX и начала XX века не существовали, уничтоженные царизмом, революцией и войной. В качестве примера он приводит события на Волыни, где восстановление политической жизни, приобретало иные формы вследствие чего появлялись новые национальные задачи, среди них возвращение и укрепление польской идеи на этих землях, преодоление экономической отсталости, решение сложных национальных проблем, интеграция с остальными польскими землями⁵⁰. Во время более чем столетней политической неволи на Волыни произошли глубокие этнические изменения. Усугубился негативный биланс польской культуры, наступила десятки тысяч польских семей утратило свои национальные свободы. Польша столкнулась на Волыни с многочисленным украинским населением (ок. 68% населения Волыни). Украинское население, подчеркивает автор, было податливо

⁴⁸ T. A. Olszański, *Historia Ukrainy XX wieku*, Warszawa 1993, s. 93–94.

⁴⁹ D. Beauvais, dz. cyt.; por. *Jak polska arystokracja caratowi się wysługiwała* (fragment książki Daniela Beauvais), „Dziś”, 2007, nr 4, s. 179–189.

⁵⁰ W. Filar, *Kwestia ukraińska w okresie międzywojennym (1918–1939)*, [w:] (red.) J. Marszałek-Kawa, Z. Karpus, *Stosunki polsko-ukraińskie...*, dz. cyt., s. 131.

на антигосударственную пропаганду проводимую комунистами, так же как и украинскими националистами⁵¹.

Оличалась ли ситуация на других территориях Восточных Кресов от Волыни? Если учесть, что среди украинского населения было большое количество неграмотных (даже до 70%), то перед нами предстанет образ общества, которое не будет в состоянии рационально воспользоваться политическими предпосылками. В тоже время таких реальных предпосылок не было также со стороны политических элит. Пожалуй прав Петр Вандич, утверждая, что при анализе польско-украинских отношений в 1919–1920 годах, обе стороны оперируют штампами. Поляки подчеркивают лозунг „за нашу и вашу свободу” при этом отрицают, что когда либо существовали стремления подчинения себе Украины и ее эксплуатации. Главной причиной неудачи киевского наступления считают безразличие украинского населения. Украинцы со своей стороны видят только негативные стороны союза с Польшей и приписывают Варшаве империалистические планы среди которых завладение Украины под прикрытием сотрудничества с Киевом. За редким исключением элемент полемики, утверждает Петр Вандич, доминирует над поиском исторической правды и показом наиболее полной картины⁵².

Существует ли такая картина, пожалуй многие сторонники польско-украинского единения ответят утвердительно. Особенно когда теперешняя Украина, является важным стратегическим партнером Польши на востоке. Проблема однако, заключается в том, что многие наши соотечественники абсолютно убеждены в том, что распад СССР был инициирован Поляком – Папой Римским, вследствие чего народы Средне-Восточной Европы решительно «выбились на независимость». Это интересная история, только написана языком пропаганды успеха, а одновременно вредна, так как соодержит множество упрощений и пренебрежений историческим опытом. Классическим тому примером является наша, родная „историческая политика”. Имеет в ней место своеобразная мифологизация II Речи Посполитой, отрицание ПНР и лишенную какой либо разумной исторической оценки III РП. А если так, то кто отважится утверждать, что II Речь Посполита была слабым государством, и не справлялась с национальной проблемой на столько,

⁵¹ Тамże, s. 132.

⁵² P. Wandycz, *Z zagadnień współpracy polsko-ukraińskiej w latach 1919–1920*, „Zeszyty Historyczne”, 1967, z. 12, s. 3.

что привело это к войне на этнической почве. Задачей II Речи Посполитой было обеспечение безопасности на Восточных Окраин, всеми возможными средствами которые были в ее распоряжении. Другим ее заданием было также правовая защита национальных меньшинств, распространение образования, организация культурного развития, все то, что можно было противопоставить сепаратизму и крайнему национализму. Украинский национализм вырос на почве, которая помимо объективных нарастающих тенденций в междувоенный период, сформировала также достаточно противоречивую, внутреннюю политику II Речи Посполитой. У него были разные представители и он пользовался их поддержкой. „В начале тридцатых годов, пишет биограф Бандеры, ОУН все чаще делает ставку на Германию и новую войну. Предложение нацистов для оуновского Берлина очень привлекательно. Гитлер принял полковника Коновальца и однозначно дал понять, что он заинтересован в создании независимой Украины [...] Украинский союзник был хорошим аргументом в политике по отношению к Польше”⁵³. Прав был Виктор Полищук, когда написал, что: „[...] без тщательного анализа идеологии и программных целей Организации украинских националистов, которая был инициатором всех основных видов деятельности, связанным с польско-украинскими отношениями ... никто и никогда не поймет всех нюансов”⁵⁴.

Без глубокого осознания фактов, на которые здесь ссылаемся, не удастся выстроить связующее основание для польско-украинского диалога. Добавим при этом, что никакие исторические события, в наименьшей мере не оправдывали и не оправдывают преступный геноцид. Свобода и независимость не являются категориями, которые нужно отставивать террором, или топором. К свободе и независимости народы «дорастают» трудом и ответственностью. Нам тоже этих качеств не хватило в свое время, за что и пришлось заплатить высокую цену.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И УГРОЗЫ

Как отмечено выше, существует достаточно распространенное мнение, что новый этап в польско-украинских отношениях открыла „осень народов”. Польша, часто подчеркиваем, принадлежала

⁵³ W. Romanowski, *Bandera. Terrorysta z Galicji*, Warszawa 2012, s. 98.

⁵⁴ W. Poliszczuk, *Manowce polskich historyków. Uwagi o badaniach stosunków polsko-ukraińskich*, Toronto 1999, s. 50.

к предтечам изменений в этой части Европы. Пожалуй следует согласиться с Адамом Креминьским, написавшему, что только упадок комунизма в 1989 году открыл шкафы, в которых Европа хранила трупы прошлого. Вернулись старые счета зла и заслуг. Появились новые вопросы, связанные с мерой гордости и стыда за военные и послевоенные поступки. [...] Народы скорбят над собственными мучениями и или стирают из памяти все зло причиненное соседям, или оправдывают его исторической необходимостью. В его комментарии есть риторический вопрос, возможно ли примирение ветеранов волынской дивизии АК и УПА, или УПА и ЛВП?⁵⁵.

На самом деле Украина вошла на „битый” тракт „создания нового общества” в дни „оранжевой революции”. Многие публикации доказывают, что этот процесс сопровождался эйфорическими ссылками на общих польско-украинских союзников. Один из польских журналистов так описал климат ноябрьских дней: Сегодня настоящее примирение между нашими народами происходит на наполненном морем людей киевском Майдане Независимости, где среди украинских желтоголубых флагов видим также польские флаги и слышим голос тысяч украинцев скандирующих „Польша – Украина на веки”⁵⁶. И вновь появляется вопрос, хватит ли таких жестов и политических деклараций для новой дейиниции польско-украинских отношений. Исследования посвященные взаимным стереотипам обоих народов не оставляют сомнений, что оцениваем соседа низко, что много в этих отношениях еще есть национального шовинизма, а иногда даже презрения. „Оранжевая революция”, можем о ней говорить в прошедшем времени, имела шанс повлиять на устоявшееся в течении нескольких поколений стереотипы.

Был „круглый стол” польский, был также „круглый стол” украинский, может быть настало время подумать о „польско-украинском” круглом столе. Его тематикой должно быть прошлое, которое, без всяких сомнений отягощает ипотека взаимных отношений. Пока каждая из сторон будет „вариться в котле” собственной истории, не учитывая, или хотя бы не предпринимая попытки понять реляции другой стороны, польско-украинское согласие останется политической и морально-этической декларацией. 12 апреля 2005 года во время встречи в Варшавском Университете Виктор Ющенко выразил

⁵⁵ A. Krzemiński, dz. cyt., s. 13.

⁵⁶ Cyt. za: M. Dębski, *Samostijna pomarańcza*, „Dziś”, 2005, nr 2, s. 27.

удовлетворение, в в связи с тем, что „закрыты худшие страницы общей истории двух государств”, что в последние годы „нам удалось историческое примирение”⁵⁷. Действительно ли этот прцесс наступил? Спор о памяти жертв по obu сторонах далее идет на повышенных тонах. Конфликты когда то должны быть урегулированы, а послевоенная политическая и идеологическая действительность не позволяют говорить о них в тонации взаимного понимания и прощения. Социализм по определению закрывал трудное прошлое и направлялся к „светлому будущему”. Возвращение к таким ценностям как народ, государство, самоосознание должно было побудить дискуссию о прошлом, позитивном, так же как трагичном.

Недостаточность „исторической памяти”, на что указывает проф. Вальдемар Резмер, особенно виден на Украине, где польско-украинский конфликт о Львов и Восточную Галицию 1918–1919, а затем трагические события II мировой войны, вместе с геноцидом Поляков на Волыни и в Восточной Малопольше (Восточной Галиции) в течении многих лет вообще не существовали в исторической памяти элит, а тем более простого украинца. На Западной Украине, делает вывод цитируемый автор, от Львова до Черновцов, Тернополя, Станиславова Луцка и Ровного, УПА считается армией героев. Это она воевала за свободу и суверенитет с Поляками, комунистами, а также фашистской Германией. Т.е. была по своей сути патриотичесим партизанским движением. Об этом свидетельствуют слова проф. Виталия Макара, который сказал прямо: „Ни один национально сознательный Украинец не может согласиться с перекручиванием постулатов программы и деятельности ОУН-УПА. Можно было бы это сравнить с требованием к Полякам, что бы осудили деятельность военно-политических организаций, боровшихся за независимость и самоидентификацию своего народа”⁵⁸.

Приведенный пример показывает определенно, что нельзя говорить о каком – то основательном переломе в познании, и особенно понимании этой трагичной, и все таки общей части истории. Сила научной информации часто проигрывает, по сравнению со знанием передаваемым из поколения в поколение. В разговорном польском

⁵⁷ Cyt. za: W. Poliszczuk, „*Pomarańczowa rewolucja*” i cień *Bandery*, „Dziś”, 2005, nr 6, s. 114.

⁵⁸ W. Rezmer, *Polsko-ukraińskie stosunki wojskowe w świetle prac seminarium historycznego Polska – Ukraina: trudne pytania*, „Przegląd Historyczno-Wojskowy”, 2006, nr 1 (211), s. 152–153.

языке украинец не кто иной как „резун”. С другой стороны для украинца поляк всегда был жестоким, беспощадным и самонадеянным человеком, „проклятым ляхом”, который не может забыть о Львове, Тарнополе и Кременце. Кладбище Львовских Орлят, является святыней национальных чувств поляков, а их интенсивность настолько сильна, что не обращается внимания на украинские аспекты истории Львова и других городов этих земель⁵⁹. Такой подход к истории с полной уверенностью не служит примирению. В памяти поляков и украинцев далее свежи события на Волини, Подоле, Закерзонии и в других регионах, которые стали ареной войны и пачификации. С прискорбием следует отметить, что эти события сдоминировала, статистика, по которой стороне было больше убитых, и кто кому причинил больше мучений⁶⁰. Уже в новом политической климате можно было встретить и такую позицию: „пока польский народ не признает своей вины и не ударит себя в грудь, пока Верховный Сейм не отважится и признает акцию «Висла» преступлением, а Верховный Суд, не назовет геноцид геноцидом, до той поры все польско-украинские соглашения и договоренности останутся декларациями”⁶¹. Напомним, что Сенат РП соответствующим Постановлением от 3 августа 1990 г. осудил акцию „Висла” и выразил мнение, что «исправлено должно быть все зло, которое причинила та акция»⁶². Позиция, о которой упоминаем вызвала острую дискуссию среди населения Кресов, которое не без оснований считает, что Постановление вышло под давлением Союза Украинцев в Польше⁶³.

Трудно не признать правоту автору, написавшему, что: „взгляд Украины на Польшу полон удивления и страха. Польша в течении десятилетия служила примером борьбы с советской системой, сегодня же является не только примером, но и предостережением перед рифами, которые встречаются на пути отхода от этой системы. Свежая память не только российской неволи, но и немецкой оккупации склоняют даже националистические сообщества к видению в Польше потенциального

⁵⁹ M. Klimecki, *Ukraina w XX...*, dz. cyt., s. 32–33.

⁶⁰ Szerzej na ten temat zob. M. Siwicki, *Dzieje konfliktów polsko-ukraińskich*, t. 1 i 2, Warszawa 1992; tenże, *Dzieje konfliktów polsko-ukraińskich*, t. 3, Warszawa 1994.

⁶¹ M. Siwicki, *Dzieje...*, t. 3, dz. cyt., s. 431.

⁶² Szerzej na temat roszczeń politycznych i ekonomicznych środowisk ukraińskich zob. M. Czech, *Kwestia ukraińska w III Rzeczypospolitej*, [w:] „Zeszyty Historyczne”, 1993, zeszyt 103, s. 3–35.

⁶³ Zob. F. Budzisz, *Więcej prawdy w polskich szkołach*, „Na Rubieży”, 2009, nr 105, s. 21–25.

– и единого весомого – союзника Украины. С другой стороны возрождение в Польше неозэндецких, а иногда даже и явно шовинистских течений будит среди Украинцев опасения тем более, что российская пропаганда активно пользовалась пугалом – „польскими панами”⁶⁴. Тревожит то, замечает цитируемый здесь автор, что мы хотим говорить о украинцах, а на самом деле совсем не знаем этого народа. То незнание – опасно, особенно на сегодняшний день, когда Польша должна урегулировать отношения не только с собственным народом, но и с украинским государством, а форма этих отношений будет иметь огромное значение для нашего края⁶⁵.

Можно бы было засомневаться и в противоположной стороне, знают ли украинцы в хорошем смысле этого слова. Скорее всего нет, а ведь в их пользу говорят факты – Они, только что вышли на путь построения гражданского общества, начали процесс требующий времени и смирения в отношении к трудному опыту минувших десятилетий. Говоря о взаимном понимании и уважении к истории, не отказываемся от прав ее оценки. В этом двухстороннем диалоге польский голос должен быть хорошо слышен, даже если противоположная сторона почувствует себя задетой за живое. Ведь этого требует правда, особенно та наиболее жестокая⁶⁶.

„Польское невежество и моральная самонадеянность, пишет А.Сулима Каминский, вместе с украинским чувством обиды и давними предубеждениями не могут способствовать откровенному диалогу и взаимопониманию. В то же время политики с обеих сторон видя пользу взаимного сотрудничества призывают *забыть* прошлое и начать новую эру настоящего братства. Этот путь однако не уведет нас далеко. Забыть – или тоже простить – можно только после выяснения и удаления причин вражды, а этого нельзя достичь без глубокой рефлексии и широкой дискуссии над стереотипами народной культуры”⁶⁷.

Пониманию вышеприведенных замечаний пусть послужат размышления Тадеуша Конвицкого, который так ставит вопрос:

⁶⁴ T. A. Olszański, dz. cyt., s. 295.

⁶⁵ Tamże, s. 294.

⁶⁶ F. Budzisz, *Uczcijmy godnie pamięć ofiar OUN – UPA*, „Przegląd”, 6 lipca 2008, s. 34–35.

⁶⁷ A. Sulima Kamiński, *W kręgu moralnej i politycznej ślepoty: Ukraina i Ukraińcy w oczach Polaków*, [w:] *Nie jesteście ukrainofilami. Polska myśl polityczna wobec Ukraińców i Ukrainy. Antologia tekstów*, Kolegium Europy Wschodniej im. Jana Nowaka-Jeziorańskiego, Wrocław 2008, s. 356.

„Иногда встречаю по жизни Украинцев, но очень редко [...] Потому что они есть, и тут же их нет. Что – то произошло между нами и ними. Что – то трагичное произошло [...] И это все, что легло молча, как айсберг. А я, не знаю почему, люблю Украину. Ищу ее в документах, старых книгах и песнях. Ищу ее везде. В наших фамилиях, в нашей географии, в наших обычаях [...] ту Украину, которая любила «резать Ляхов», любила свое гайдамацкое безрассудство, свое стремление из – за тоски по свободе отдать свою чубатую голову в суровую неволю [...] Знаю, знаю всякие истории были. Вначале виноваты были мы, потом немного они и так далее и так далее. Не стоит по-ростовщически рассчитывать все причиненное зло [...] дали нам распушенных магнатов, дали нам страшных разбойников. Дали нам билет в Азию. Думаю, что одарили нас также чувством поэзии, с той огромной ностальгией и степной метафизикой, которая окрыляла нашу всегда тяжкую судьбу [...] Так часто [...] тоскую по прекрасной, приятной нам Укарине, Украине которую когда – то мы заразили латынью, а она нас Великим Востоком»⁶⁸.

Может ли исполниться столь прекрасное послание когда на украинский народный пьедестал выносятся «люди» имеющие на руках кровь тысяч поляков. Однако дело не в Степане Бандере, и не в звании неродного героя, которое он получил. Так происходит в истории, что памятники всегда ставятся тем, которые удивляли, в отношении к которым были серьезные сомнения, или даже ненависть. Их ставили и разрушали, дело собственно заключается в том, какое место занимает история в формировании народного самосознания. Не историческая политика, но серьезный, основательный диалог, направленный на поиск ответа на вопрос, почему? Так как ответ, даже тот самый трудный, позволит избежать ошибок в будущем. Историей нельзя играть, а тем более провоцировать. Звание героя для Степана Бандеры „отменено”, хотя не значит, что проблема перестала существовать⁶⁹. Она только начинается тогда, когда на место памятников приходят люди и спрашивают, почему? Украинский национализм, в сегодняшней версии, вследствие шумихи около сомнительной репутации «народного

⁶⁸ Cyt. za: B. Skaradziński (K. Podlaski), *Ukraincom „przebaczamy i prosimy o przebaczenie”?*, [w:] *Nie jesteście ukrainofilami...*, dz. cyt., s. 421.

⁶⁹ W dniach 24–25 czerwca 2014 r. autor był na konferencji we Lwowie i tak się złożyło, że miał okazję obserwować manifestację, która odbywała się pod pomnikiem S. Bandery. Nie pozostawiała ona wątpliwości, co do swoich intencji politycznych i społecznych.

героя», приводит к замешательству в умыслах многих украинцев, особенно молодого поколения. О том что он присутствует в жизни националистической общественности, свидетельствует постановление Главного Проводу ОУН от 22 июня 1990 г. Чтение этого постановления может шокировать, когда прочитаем в нем следующее: [...] Полезным для нас было бы разделение польского народа. [...] Необходимо поддерживать в лоне польского народа региональные сепаратизмы Верхнего Шлонска, Кашубов, Гуралей. Поддерживать националистическую активность меньшинств в Польше: белорусов, чехов, евреев, словаков и прежде всего немцев. [...] Не допускать польско-немецкого сближения. Это все должно служить ослаблению Польши, а в будущем привести в к полному распаду польского государства – что является стратегической целью украинской политики, в которой авангардом и революционной силой будет ОУН⁷⁰.

Сигнал, идущий из этого постановления, гораздо более серьезный чем дискуссия связанная с памятником Бандере. Конечно, можно отнестись к нему легкомысленно, и убеждать что это идеи какой-то малозначащей группы, позволяющей себе политический экстремизм. Если мы все-таки хотим со всей ответственностью подойти к вопросу нашей истории, то следует и этот сигнал считать на столь важным, что стоит задуматься какое влияние имеет украинское лобби на современную политику польского государства. Симптоматичным является то, что президент Речи Посполитой отказал кресовым сообществам в участии в 65 годовщине экстерминации польского населения ОУН-УПА, но все же был патроном „так требует оунофильская корректность, фестиваля украинской культуры в Сопоте провокационно организованным (12.VII) в то время, когда миллионы поляков чтят память своих убитых УПА соотечественников”⁷¹.

Возможно ли в таких условиях польско-украинское добрососедское сотрудничество, без предубежденности и взаимных обвинений? Хотелось бы ответить утвердительно. Найдутся однако, оппоненты, которые входя в закоулки исторической политики, будут, вполне обосновано, утверждать, что это невозможно. Ведь в 2006 году добавлена к уголовному кодексу ст.132 ф, из которой следует, что лишение свободы до трех лет грозит тому, кто: «публично обвиняет

⁷⁰ A. Mariański, *Okrągły stół po banderowsku*, „Na Rubieży”, 2010, nr 108, s. 12; F. Budzisz, *O pamięć i szacunek dla ofiar OUN – UPA*, „Panorama Kresowa”, 2009, nr 7/60, s. 12–13.

⁷¹ F. Budzisz, *Uchwała OUN obowiązuje...*, „Na Rubieży”, 2009, nr 102, s. 10–11.

Польский Народ в участии, организации или ответственности за коммунистические или нацистские преступления»⁷². Как раз этот абзац, так затронул среду ветеранов, когда на свет появился „Страх” Й. Гросса. В подобной ситуации были те исследователи, которые подняли проблематику полыхающего польско-украинского приграничья, а результаты этих исследований не соответствуют принятым стереотипам, следует сказать иначе, не соответствуют обязующей политкорректности и интерпретации „исторической политике”.

Под конец этих размышлений, следует подчеркнуть, что история Восточных Окраин может также оказаться сфальсифицированной, если не удастся ее оберечь перед навязываемой полякам ОУНовской версии. А будет все труднее, т.к. Евросоюз, согласно одним ослабляет, согласно другим уничтожает народное государство, а способствует региональной политике. Это новое искушение сторонников ревизии истории. А если так, то в недалеком будущем историческая справедливость, которую так упорно отстаивает кресовое население, не будет уже проблемой Найяснейшей Речи Посполитой, а только «какого – то приграничья». А может в этом то дело? Еще раз припомним, вслед за Адамом Кшеминьским, что многие европейские нации скрывают в своих шкафах «исторические трупы», у них есть свои Бандера, Гитлер, Сталин и др. Осознание этого, требует от нас деликатного обращения с народной историей, если хотим, чтобы она сближала, а не разделяла, и чтобы, наконец была *magistra vitae*.

БИБЛИОГРАФИЯ

- [1] Beauvais D., *Trójkąt Ukraiński. Szlachta, carat i lud na Wołyniu, Podolu i Kijowszczyźnie 1793–1914*, Lublin 2005.
- [2] Borejsza J. W., *Od Pierwszej do Trzeciej*, „Polityka”, 2009, nr 46.
- [3] Brzoza Cz., Sowa A. L., *Historia Polski 1918–1945*, Kraków 2006.
- [4] Budzisz F., *Więcej prawdy w polskich szkołach*, „Na Rubieży”, 2009, nr 105.
- [5] Budzisz F., *Uczcijmy godnie pamięć ofiar OUN-UPA*, „Przegląd”, 2008 (06. 07).
- [6] Budzisz F., *O pamięć i szacunek dla ofiar OUN-UPA*, „Panorama Kresowa”, 2009, nr 7.

⁷² J. Widacki, *Historia w służbie polityki*, „Przegląd”, 10 sierpnia 2008, s. 11.

- [7] Budzisz F., *Uchwała OUN obowiązuje...*, „Na Rubieży”, 2009, nr 102.
- [8] Chojnowski A., Bruski J. J., *Ukraina*, Warszawa 2006.
- [9] Chwalba A., *Historia Polski 1795–1918*, Kraków 2000.
- [10] Czech M., *Kwestia ukraińska w III Rzeczypospolitej*, „Zeszyty Historyczne”, 1993, nr 103.
- [11] Dębski M., *Samostijna pomarańcza*, „Dziś”, 2005, nr 2.
- [12] *Dorabianie przeszłości*, (J. Cieśla rozmawia z Piotrem Tadeuszem Kwiatkowskim, socjologiem o zbiorowej pamięci Polaków), „Polityka”, 2008, nr 36.
- [13] *Dzieje powszechne XX wieku*, cz. 1, lata 1919–1929, Poznań 1998.
- [14] Garlicki A., *U źródeł obozu belwederskiego*, Warszawa 1983.
- [15] Grzybowski K., *Pięćdziesiąt lat 1918–1968*, Kraków 1977.
- [16] Hud B., *Ukraińcy i Polacy na Naddnieprzu, Wołyniu i w Galicji Wschodniej w XIX i pierwszej połowie XX wieku*, Lwów-Warszawa 2013.
- [17] *Ideologia nazizmu (ukraińskiego integralnego nacjonalizmu), jako przyczyna zbrodni ludobójstwa OUN-UPA na Kresach Wschodnich II RP*, „Na Rubieży”, 2010, nr 109.
- [18] Krasuski J., *Tragiczna niepodległość Polski 1918–1947*, Toruń 2007.
- [19] Krzeziński A., *Trupy w szafach Europy*, „Polityka”, 2009, nr 38.
- [20] Kuczma L., *Ukraina – nie Rosja*, Moskwa 2003.
- [21] Lewandowski J., *Kwestia narodowa w Europie Wschodniej na przełomie epok*, „Zeszyty Historyczne”, 1993, nr 105.
- [22] Lewandowski J., *Historia Ukrainy*, „Zeszyty Historyczne”, 1978, nr 45.
- [23] Łukomski G., Polak B., Wrzosek M., *Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920*, t. 1, Koszalin 1990.
- [24] Malinowski-Pobóg Wł., *Najnowsza historia polityczna Polski 1864–1945*, t. 2, cz. 1, Londyn 1956.
- [25] Mariański A., *Okrągły stół po banderowsku*, „Na Rubieży”, 2010, nr 108.
- [26] *Materiały i studia z dziejów stosunków polsko-ukraińskich*, (red.) B. Grott, Kraków 2008.
- [27] Miedwiediew R. A., *Po rozpadzie ZSRR. Kłopoty z tożsamością byłych republik*, „Dziś”, 2006, nr 8.
- [28] Miedwiediew R. A., *Trudny poród państwowości*, „Dziś”, 2007, nr 3.
- [29] Mikluszka A., *Jakie pojednanie*, „Na Rubieży”, 2009, nr 101.

- [30] Motyka G., *Od rzezi wołyńskiej do akcji „Wisła”*. Konflikt polsko-ukraiński 1943–1947, Kraków 2011.
- [31] Nowak A., *Polityka wschodnia Józefa Piłsudskiego (1918–1921)*, „Zeszyty Historyczne”, 1994, nr 107.
- [32] *Nie jesteśmy ukrainofilami. Polska myśl polityczna wobec Ukraińców i Ukrainy. Antologia tekstów*, (red.) P. Kowal, J. Ołdakowski, M. Zuchniak, Wrocław 2008.
- [33] *Od Zborowa do NATO (1649–2009). Studia z dziejów stosunków polsko-ukraińskich od XVII do XXI wieku*, cz. I, *Historia*, (red.) M. Franz, K. Pietkiewicz, Toruń 2009.
- [34] Olszański T. A., *Historia Ukrainy XX wieku*, Warszawa 1993.
- [35] Poliszczuk W., *Integralny nacjonalizm ukraiński jako odmiana faszyzmu*, Toronto 1998.
- [36] Poliszczuk W., *Manowce polskich historyków. Uwagi o badaniach stosunków polsko-ukraińskich*, Toronto 1999.
- [37] Poliszczuk W., „Pomarańczowa rewolucja” i cień Bandery, „Dziś”, 2005, nr 6.
- [38] *Polska-Ukraina: trudne pytania*, t. 11, Toruń 2006.
- [39] Pruszyński M., *Jak straciliśmy Mińsk i federację z białą Rusią*, „Zeszyty Historyczne”, 1976, nr 36.
- [40] *Przemiany narodowościowe na Kresach Wschodnich II Rzeczypospolitej 1931–1948*, (red.) S. Ciesielski, Toruń 2003.
- [41] Rezmer W., *Polsko-ukraińskie stosunki wojskowe w świetle prac seminarium historycznego: Polska-Ukraina: trudne pytania*, „Przegląd Historyczno-Wojskowy”, 2006, nr 1.
- [42] Romanowski W., *Bandera. Terrorysta z Galicji*, Warszawa 2012.
- [43] Siwicki M., *Dzieje konfliktów polsko-ukraińskich*, t. 1 i 2, Warszawa 1992.
- [44] *Stosunki polsko-ukraińskie. Historia i pamięć*, (red.) J. Marszałek-Kawa, Z. Karpus, Toruń 2008.
- [45] Szumiło M., *Ukraińska reprezentacja parlamentarna w Sejmie i Senacie RP (1928–1939)*, „Dzieje Najnowsze”, 2004, nr 4.
- [46] Śladewska M., *Przebaczenie bez upoważnienia*, „Na Rubieży”, 2010, nr 107.
- [47] Śladewska M., *Polityka historyczna wobec pamięci o ofiarach ukraińskiego nacjonalizmu*, „Na Rubieży”, 2009, nr 101.
- [48] Torzecki R., *Kwestia ukraińska w Polsce w latach 1923–1929*, Kraków 1989.

- [49] Torzecki R., *O nacjonalistach ukraińskich – kontrowersyjnie*, „Dzieje Najnowsze”, 1987, nr 2.
- [50] Wandycz P., *Z zagadnień współpracy polsko-ukraińskiej w latach 1919–1920*, „Zeszyty Historyczne”, 1967, nr 12.
- [51] Wapiński R., *Polityka i politycy. O polskiej scenie politycznej XX wieku*, Wrocław-Warszawa-Kraków 2006.
- [52] Wilson A., *Ukraińcy*, Warszawa 2004.
- [53] Władyka W., *Cud nad Wisłą*, „Polityka”, 2008, nr 45.

POLSKA I UKRAINA W KONTEKŚCIE DOŚWIADCZENIA HISTORYCZNEGO. CZY RZECZYWIŚCIE ISTOTĄ PROBLEMU JEST STEPAN BANDERA?

STRESZCZENIE

Przez kilka dziesięcioleci polska polityka zagraniczna była zdeterminowana położeniem geograficznym i trudnym do jednoznacznego zdefiniowania kompleksem, raz to niemieckim, innym razem sowieckim, a bywało, że oboma naraz. Było to szczególnie widoczne w okresie międzywojennym i niewątpliwie miało swoje przełożenie na relacje ówczesnej Polski z jej sąsiadami. W całym dwudziestolecu miały one „podwyższoną temperaturę”, z wyłączeniem Rumunii, z którą granica uchodziła wówczas za pokojową. Innym, równie ważnym problemem była sytuacja wewnętrzna państwa, które nieszczególnie radziło sobie z polityką wobec licznych mniejszości narodowych. Autor artykułu zwrócił uwagę na niektóre aspekty relacji polsko-ukraińskich i starał się poszukiwać odpowiedzi na zasadnicze pytanie: dlaczego polsko-ukraińskie pogranicze stało się obszarem konfliktu etnicznego mającego tak dramatyczny wymiar dla obu stron. Autor uważa, że obecna sytuacja na Ukrainie i zaangażowanie Polski w jej rozwiązanie nie są powodem, dla których miałyby ucierpieć prawda o bestialstwach, jakich dopuszczono się wobec Polaków zamieszkujących na Kresach Wschodnich. Są powody, by sądzić, że spiralę nacjonalistycznych uniesień nakręcały obie strony, ale środki, które zostały zastosowane w dochodzeniu swoich racji były nieadekwatne i nosiły znamiona zorganizowanego ludobójstwa i czystek etnicznych. Ukraina ma suwerenne prawo do honorowania swoich bohaterów, z kolei Polska ma również suwerenne prawo do oceny tego tragicznego rozdziału w historii obu narodów i przedkładania swoich racji.

Słowa kluczowe:

Polska, Ukraina, historia, konflikt etniczny, polityka, ludobójstwo.

**UKRAINE UND POLAND IN THE CONTEXT
OF ITS HISTORICAL EXPERIENCE.
WHETHER OR NOT THE CRUX
OF THE PROBLEM LIES
IN THE STEPAN BANDERA?**

ABSTRACT

For a few decades, Polish foreign policy was determined by the geographic location and a difficult to classify complex, at one time German, at another Soviet and, at times, by the both of them simultaneously. It was particularly apparent during the interwar period and it unquestionably affected Poland's relations with its neighbours. Throughout the interwar period, they had an "increased temperature," with the exception of Romania, whose border was considered as peaceful. Another problem of similar importance was the domestic situation of the country which maintained clumsy policy towards many national minorities. The author has drawn attention to some aspects of Polish-Ukrainian relations and has attempted to seek answers to one crucial question: why did Polish-Ukrainian border become an area of ethnic conflict that turned out to be so dramatic for both sides. The author believes that the present situation in Ukraine and Poland's involvement in resolving it are not the reason why the historical truth about the massacres of Poles from Eastern Borderlands should suffer. There are reasons to believe that both sides contributed to the surge of nationalism, but the measures which were adopted were inadequate and had all the signs of organised genocide and ethnic cleansing. Ukraine has a sovereign right to honour its heroes. Similarly, Poland has a sovereign right to judge this tragic chapter in the history of both nations and to promote its own perspective.

Keywords:

Poland, Ukraine, history, ethnic conflict, genocide, politics.